

СТАВРОПОЛЬ. Игры со временем

До чего же я все-таки люблю театральные загадки! — О чем это вы? — спросит завсегда-зритель, как и я, побывавший на премьере **Ставропольского краевого академического театра драмы им. М.Ю. Лермонтова «Фирс»**, поставленного к открытию нового театрального сезона.

Предчувствую сердитое возмущение: «Какие там загадки? Обычная история. Хитрый авантюрист обегорил очередного «лопуха». Все просто, так, что ... даже обидно.

Действительно, с первого взгляда — просто. Но мне после просмотра спектакля было не обидно, а скорее, досадно. Вроде как все в нем есть: содержание, динамичная постановка и сценография **Юрия Ерёмкина**. Очень точное музыкальное оформление **Владимира Романова** — то как предчувствие необычных событий, то как предостережение, оттеняющее и высегающее суть происходящего на сцене; неожиданные и острые сюжетные перипетии. Однако после спектакля очень трудно избавиться от ощущения, что нечто важное от меня как зрителя намеренно скрыто, хотя и подразумевается.

Итак, время действия: начало нового тысячелетия. Встречаются после десяти лет разлуки два друга. Один показывает другому свои обширные апартаменты: Артем — богатый наследник (в его роду еще до революции были дворяне). Во время беседы он делится с Александром мечтой. Раз уж привалило богатство, почему бы не пожить на широкую ногу, не ощутить себя ХОЗЯИНОМ жизни.

— А что собираешься делать? — спрашивает друг. Артем только рукой машет, дескать, есть кое-какой «бизнес». И по всему видно, что не «дело» его волнует, а вот этот дом, он хочет обставить его по-барски и по-барски зажить.

Как в обычной болтовне двух молодых людей появилась идея, что для получения барского удовольствия в чистом виде Артему (подобно его предкам) нужен слуга, — уже

не вспомнить, а свериться со сценарием не удалось. Друг-интернет найти современно-го драматурга **Георгия Сорокина** (автора «Фирса») не смог. Точнее — да, был такой — Г. Сорокин, но жил он более ста лет назад, и «Фирса» точно не писал.

Именно после беседы бывших друзей в спектакле начинаются чудеса с приколами и «ребусами-кроссвордами». И здесь нужно сделать короткое отступление

В самой истории появления нового спектакля я открыла интересную деталь. Оказывается, автор пьесы — никакой не Г. Сорокин: ее написал и поставил спектакль известный в стране режиссер, народный артист РФ, лауреат премии Москвы, Юрий Ерёмин. Ерёмин — известный мастер яркой фавулы и важного внутреннего подтекста. Он способен шокировать и удивлять зрителя. Режиссер хорошо знает, как держать зал в напряжении, но никогда не делает этого из спортивного интереса.

Так в чем же «прикол» «Фирса», — подумала я, и ... заново от начала до конца перечитала «Вишневый сад» А.П. Чехова. Только тогда что-то стало проясняться.

Первую «наводку» зритель получает, когда он только уселся в кресло, открыл программу и стал знакомиться с действующими лицами. Спектакль называется «Фирс», но такого героя в нем нет. Слуга присутствует, однако зовут его Борисом.

С первой минуты, когда открывается занавес, в полумраке мы видим не жилую комнату состоятельного молодого человека, а мрачное пространство, в центре которого громоздится некая конструкция, похожая на мост. Потом, когда зажжется свет, это будет просто лестница на второй этаж нового дома Артема. А пока темно и звучит странная тревожная музыка, чуткий зритель что только себе не нафантазирует! Скажем, это мост, по которому можно попадать из одного времени в другое. Например, из времени «дворянских гнезд» в начало второго тысячелетия с коттеджами-дворцами в каких-нибудь «Грязях».

Александр – О. Хомутов, Артем – А. Кошелевский

Не зря же в сформированном режиссером театральном пространстве, в репликах, фразах, цитатах, то и дело проскальзывают напоминания о «Вишневом саде». Его персонажи, в первую очередь, престарелый слуга Фирс, как бы незримо сосуществуют рядом с Артемом, его невестой Ниной, другом Александром, слугой Борисом и девушкой по вызову Верой.

Исторически подкованный зритель держит меня в том, что, с точки зрения временных реалий, у двух пьес формально и по сути немало общего. События чеховской лирической комедии (с элементами трагедии) происходят на стыке распада патриархальных дворянских гнезд и наступления эпохи капитала. Наше время тоже пограничное. Социализм разрушили, но рынок, который, как уверяли, должен был все отрегулировать и создать всеобщее процветание, надежд не оправдал. Бедные стали еще беднее, а хозяева в ты-

сячи раз богаче. Если грубо подытожить, и они, бывшие (герои чеховской пьесы), и мы, сегодняшние, (из «Фирса») как бы оказались в подвешенном состоянии.

...Крутится сцена, крутится время. И вот он, новый виток событий, новые вопросы. Например, почему мебель в комнате Артема не стоит, как ей положено на полу, а подвешена на веревках? Качаются-покачиваются стулья, столы, кресла и странная вещь, похожая на мешок (не денег ли!?)... Когда его опускают на сцену, предмет становится тем, на чем сидят. Кресло-трансформер угодливо готово приобрести любую форму, удобную для «седока». Символ чудный: вот он, денежный мешок, свалился тебе на голову, ты оседлал его, и стало вдруг так уютно, так тепло... Но надолго ли?

Маятник театрального действия, как бывает в жизни человека, вначале медленно раскачивается, но, взяв темп, к концу набирает мощное ускорение. И вот уже со-

бытия неожиданные и противоречивые, летят так, что свист в ушах. Для вернувшегося домой после службы в Афгане бывшего танкиста Артема — тепло дома и деньги в наследство — это ВСЁ, о чем только мечтает человек. Он думать ни о чем другом не может, кроме желанного покоя. Даже встреча с другом не в состоянии изменить ход его мыслей. И как же странно общаются после долгой разлуки два друга, которых в школе называли «Не-разлей-вода-оба-на-«А»». Представьте, как бы это было у вас в похожей ситуации. Конечно же, объятия, похлопывание друг друга по плечам, радостные междометия и восклицания... А что видим мы?

— Здравствуй, Александр, — членораздельно произносит Артем (**Александр Кошелевский**). И обескураженный друг вынужден отвечать ему в том же духе. Артем, будто уже загнипнотизирован одной, но пламенной страстью устройства дома-счастья. Ему не до ностальгических воспоминаний. Александр, которого играет молодой, подающий надежды артист **Олег Хомутов**, всеми силами пытается вернуть друга к действительности. Расспрашивает о невесте, планах на будущее. Но тот, словно сомнамбула, талдычит про свое: как обставить дом да что купить... Двух «А», друзей до гроба, уже нет. Они разошлись, как в море корабли.

Конец акта, затемнение. Круг сцены снова приходит в движение, а вместе с ним мебель, вздернутая вверх. И вот веревки уже становятся похожими на зловещую паутину мистического паука, плетущего сети интриги. И «паук» появляется. Это слуга Борис, которого Артем находит по объявлению. Ну и слуга! Элегантный, как роуль, весь в черном, безукоризненно отглаженном. С иголки одет, говорит на нескольких языках; интеллектуал, все умеет и все знает.

Из коротких объяснений Бориса выясняется, что большую часть жизни он служил при каком-то посольстве, понимает, как угодить самому капризному «хозяину». Разве что взгляд исподлобья — быстрый, тяжелый да странноватая улыбка (мелькнула — и нет ее) способны насторожить внимательного зрителя.

Новая «служба» начинается. Вот чопорный Фирс-Борис готовит Хозяину обед; вот, встав на колени, укутывает ему пледом ноги. Слуга весь в делах: убирает, чистит, успевая тут же и польстить «господину», и подсказать верные ответы на вопросы кроссворда. **Игорь Баргаш** не просто вошел в роль героя, а, кажется, каждой клеточкой «врос» в образ умного и циничного двуликого Януса. Его герой занял собой все пространство сцены. Заменял хозяину всех. Артему больше не надо думать, заботиться о чем-то, даже двигаться. Все за него сделает слуга.

В доме царит и разогревает пространство Человек-Паук, парализующий все живое.

Первой заподозрила недоброе невеста Артема Нина (**Оксана Винникова**), которая пытается «пробудить» загнипнотизированного жениха. Но не тут-то было! Чтобы устранить конкурентку, Борис «подставляет» хозяйину девушку, вроде как свою племянницу, а на самом деле — любовницу. Обворожительная малышка Вера с пушистой косичкой и пластикой кошки (**Бэлла Шахназарян**) окончательно лишает Артема бдительности. Только благодаря другу Александру, который в один прекрасный момент появляется, будто «бог из машины», выясняется, с каким тонким негодяем на самом деле связался Артем.

Казалось бы, молодому человеку просто нужно стряхнуть с себя «морок», выгнать подонка в три шеи, но не тут-то было! Когда утративший лоск и вроде бы искренне раскаявшийся «грешник» умоляет хозяйина снова взять его «на работу», Артем идет на попятную. Он возвращает «паука» в дом. Как и следует ожидать, втершийся в доверие мошенник до нитки обирает своего благодетеля и практически меняется с ним местами. Жалкий, посаженный на водочную иглу Артем сам заискивающе называет слугу барином и по первому приказу бежит за тряпкой оттирать пятно на ковре. В очередной раз на сцене появляется старый друг. В очередной раз он пытается вразумить Артема. Протягивает ему руку, и тот почти принимает ее, но вдруг в замешательстве замирает...

Борис – И. Барташ, Артем – А. Кошелевский

А как же дом, стакан водки?... «Здесь» это выдают бесплатно, а что будет «там» без слуги-благодетеля?

Что это, если не притча, добротню сколоченное «назидательное слово» про то, что горбатого могила исправит (это относится в одинаковой мере, и к Слуге, и к Хозяину). Но притча замечательна тем, что подразумевает внутреннюю глубину происходящего. Бывший «хозяин жизни» будто потерялся во времени и пространстве. У него уже нет мечты и нет денег, которые он так и не научился зарабатывать.

Последний акт. Немая сцена и как бы повисший в воздухе вопрос: что делать дальше?

Удивительно, но если все, что происходило в «Фирсе» раньше, как бы противостояло содержанию «Вишневого сада», то в финале два действия смыкаются-замыкаются на очевидном сходстве ситуаций. Ни «добрая» барыня Раневская, растранившая деньги по пустякам, ни ее брат-сибарит Га-

ев, ни многочисленные вишневосадовцы – тоже не знали, как жить дальше.

Не в этом ли единстве-сходстве отгадка происходящему? Почему не предположить, что Ю. Ерёмину просто захотелось исследовать прецедент развития-деградации отношений Слуга-Хозяин во времени и пространстве? Ведь, если задуматься, актуальность этой проблемы сегодня остра так же, как и сто лет назад. Как бы мы не называли человека, который платит нам деньги за работу, он так или иначе – хозяин. Хочет, будет вас держать, а хочет – заменит на другого. Конечно, вы можете пожаловаться в соответствующие органы. Но лучше не надо. Нервы израсходуете, а правды все одно не добьетесь. А добьетесь – втроене за это заплатите. Хозяин – он потому и хозяин, что все будет по его «хотению».

Вы помните, как заканчивает свою жизнь престарелый Фирс из «Вишневого сада»? После спектакля я спрашивала об этом молодых людей – учащихся и рабо-

Девушка – О. Винникова; Борис – И. Барташ; Артем – А. Кошелевский

тающих. Никто не ответил. Между тем, Фирс – самая трагическая фигура в пьесе А.П. Чехова. Его, человека, который появлялся и исчезал по первому оклику хозяйки; никакой другой жизни, кроме как «прислуживать», не знал, закрыли в родовом доме барыни Раневской. И забыли. И уехали. Дом предназначен к сносу. Фирс, бесконечно преданный хозяевам, человек-тень, оставлен умирать в заколоченном доме. Такова плата хозяев за безмерную преданность слуги.

Уже тогда преданность мало чего стоила. Зато ценилось умение делать быстрые деньги. Первые предприниматели-капиталисты, отбросившие сантименты типа обязательств по отношению к своим благодетелям – не праотцы ли людей-Пауков? В числе нуворишей – Лопахин из «Вишневого сада», купивший с молотка поместье госпожи Раневской. «Облезлый барин», говорун Петя Трофимов пророчествовал, обращаясь к нему: «...Вы богатый человек, будете скоро миллионером. Вот – как в смысле обмена веществ – нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает на его пути, так и ты нужен».

«Хищные звери» через столетие стали размножаться в геометрической прогрессии. Их популяция достигла сегодня опасных размеров. Но самое страшное, что этих «зверей» все труднее отличить от людей, поскольку они умны, хитры, циничны и полностью освободились от нравственных принципов.

«Вечный студент» Петя Трофимов в «Вишневом саду», помнитса, говорил воодушевляющие слова про то, что «человечество идет вперед и всё, что недостижимо для него теперь, когда-нибудь станет близким, понятным. Только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину...». Сам Петя при этом работать не особо хотел, как и Александр из спектакля «Фирс».

Вот и мы – все говорим, говорим...

А пауки «дело делают». Пьют кровь, процветают и размножаются. Можно быть уверенными, нынешние «Фирсы-Борисы» тихой смерти в запертном доме предпочтут похоронить самих хозяев. И подгребут под себя чужое добро. Чем основательнее подгребут, тем более неподсудными будут. Впрочем, случаются и исключения...

Тамара ДРУЖИНИНА